

ЗАЧЕМ НУЖНО РАЗРАБАТЫВАТЬ «ВСЕОБЩУЮ ТЕОРИЮ ПОЗНАНИЯ»?

У статті пропонується новий філософський проект – створення широкої й інтегративної теорії пізнання. Вона має охопити всі чотири існуючі типи пізнання: пізнання тварин, людське практичне пізнання, духовний пошук (світогляд) і науку. Основна увага приділена осмисленню наскрізних і генеральних принципів, здатних пов'язати воедино всі різноманіття пізнавальних форм.

Ключові слова: еволюція, сенс життя і пізнання, буттєва психіка, ментальна психіка, інтелект, технологія активності інтелекту, віддзеркалення, вчення, досвід, мислення, знакова репрезентація, пізнавальне оцінювання.

В статье предлагается новый философский проект – создание широкой и интегративной теории познания. Она должна охватить все четыре существующих типа познания: познание животных, человеческое практическое познание, духовный поиск (мировоззрение) и науку. Основное внимание уделено осмыслению сквозных и генеральных принципов, способных связать воедино все многообразие познавательных форм.

Ключевые слова: эволюция, смысл жизни и познания, бытийственная психика, ментальная психика, интеллект, технология активности интеллекта, отражение, обучение, опыт, мышление, знаковая репрезентация, познавательное оценивание.

A new philosophical project, –the creation of wide and integrated theory of cognition, is presented in the article. It must cover all four existing types of cognition: cognition of zoons, human practical cognition, spiritual search (world view) and science. Great attention is called to the comprehension of through and general principles that can integrate the diversity of cognition.

Keywords: evolution, sense of live and cognition, mental psyche, intellect, technology of intellectual activity, reflection, teaching, experience, thinking, sign representation, cognitive evaluation.

Предмет гносеологии составляют четыре типа познания. Панорамный обзор отечественной и зарубежной философской литературы вынуждает признать наличие четырех типов познания: познавательная деятельность животных, практическое познание, мировоззренческий поиск и научное исследование. В отношении каждого из них существует тот или иной набор научных теорий и философских эпистемологий.

Познание животных. Познавательная особенность животных сравнительно недавно (XX–XXI в.) стала предметом научного

исследования и философской рефлексии. Ученые пришли к выводу о том, что нельзя понять жизнедеятельность животных без признания прижизненного научения, поискового поведения и ориентировочной активности. Все это относится к формам познания. Поначалу не выделялась какая-то особая «теория познания животных», характеристики познания фигурировали в таких научных дисциплинах, как: этология и экология животных (М. Брайен, В. Вагнер, П. Грант, Я. Дембовский, А. Козлов, К. Лоренц, Н. Наумов и др.), зоопсихология и психобиология (Л. Крушинский, О. Литвин, Г. Мазохин-Поршняков, А. Маркова, Г. Рогинский, Э. Торндайк и др.), сравнительная психология (З. Зорина, Ю. Симаков, Н. Хейс и др.), когнитивная этология и психология животных (Ж. Резникова, Р. Сифард, Д. Чини, В. Калфин и др.).

Философы не могли пройти мимо научного потока фактов, эмпирических обобщений и теоретических гипотез. Они отреагировали созданием ряда эволюционных эпистемологий. Одна из первых таких концепций была разработана британским философом К. Поппером. Свою схему научного познания (проблема – гипотезы – фальсификация) он распространил на животных, и получилась следующая цепь рассуждений. Вместе с жизнью возникли проблемы несоответствия природной среды потребностям организмов. Чтобы разрешить эти затруднения, их надо было предварительно оценивать и находить средства для удовлетворения своих потребностей (пища, безопасность, размножение). Все это могло обеспечить только познание, которое в сложных и меняющихся условиях вырабатывает гадательную стратегию: план – ожидания – действия. Успех означает адаптацию, за ошибку естественный отбор устраняет организмы [2]. Весьма интересную эволюционную эпистемологию выстроили лидеры чилийской биологической школы (У. Матурана, Фр. Варела). Основная идея «аутопоэзиса» (самоорганизации) обоснована принципами кибернетики, теории информации и синергетики. Организм животного рассматривается как особая открытая система, вместе с тем имеющая относительно замкнутый внутренний мир. Познание представлено как необходимый компонент жизни, когнитивная информация обеспечивает всем единицам жизни должную ориентацию в среде, что дает успешную адаптацию [1].

Практическое познание. Оно возникло в практике первобытных людей, которые стали изобретать разнообразные орудия труда (огонь, каменный топор и т.п.). Производство техники и технологии потребовало особого познания (знание признаков сырьевого предмета, знание свойств орудия труда, представление об итоговом благе), в контексте которого стал развиваться производственный опыт и трудовое мышление. С умножением видов социальной практики (быт, управление, война и т.п.) разнообразились формы практического опыта и мышления. И все же сквозной тенденцией остается то, что практическое познание обслуживает создание самых различных жизненно-материальных благ.

Осмыслением особенностей практического познания занялись древние философы. Китайские мудрецы – Лао-цзы и Конфуций свои

учения построили в основном на материале бытовой, трудовой и политической жизни. Если в малом заключено большое и великое, то «не выходя со двора, можно познать мир». Если брать античных мыслителей, то здесь выделяется философия Аристотеля. Отвергнув односторонний рационализм, он оценил достоинства опыта, позволяющего познавать единичные вещи. Именно опыт дает возможность врачу успешно лечить конкретного больного. Важным этапом стал марксизм, оценивший познание в контексте трудовой и революционной практики. Социальная практика здесь предстала всеобщей основой всех видов познания. Значимый вклад внес американский прагматизм: Ч. Пирс, У. Джеймс и Дж. Дьюи осмыслили феномены практического опыта и практического мышления. В последующий период вплоть до современности рефлексией практического познания занимались Г. Альтшуллер, Г. Бейтсон, В. Горохов, И. Лапшин, Т. Корнилов, Т. Котарбинский, Р. Стернберг, М. Полани, С. Шавелев и др.

Духовное творчество. Вместе с человеческой практикой родилось мировоззрение. У первобытного человека на основе образа души возникли представления о многообразии духов (анимизм), что в итоге оформилось в виде архаичных мифов. В них появились первые моральные нормы и древнее искусство. Трансформация духов в богов породила религии многобожия, после которых возникли мировые религии. В «осевое время» (К. Ясперс) произошло становление древней философии как первой формы теоретического мировоззрения. В ее недрах были созданы другие виды духовной теории: этика, эстетика и позднее теология. Если выстроить ряд исторических форм мировоззрения (миф, мораль, искусство, религия, философия, этика, эстетика, теология), то он объединяется одним понятием – «духовные ценности». Они своеобразны тем, что, не являясь отражением реальности, выражают отношение человека к миру и в этом плане несут в себе особую субъективность. Духовность – это многообразие экзистенциальных идеалов – норм человеческой жизни, задающих полярные полюса (хорошо/плохо, добро/зло, прекрасное/безобразное, Бог/дьявол, идеальное/материальное и т.п.). Соответствующие проблемы-дилеммы не имеют одного окончательного ответа. Радикальная двойственность нередко переходит в неустранимую множественность позиций, где выбор одной сохраняет все остальные (к примеру: религиозность – скептицизм – атеизм).

Осмысление отдельных форм духовности начали древние философы. Если китайские мыслители особое внимание уделили морали, то круг рефлексии античных мудрецов был гораздо шире: религия, искусство, философия. Для средневековья главным предметом понимания стала религия и ее исторические формы. С XIX в. начинается научное изучение архаичных мифов (Дж. Фрэзер, Л. Леви-Брюль, К. Леви-Строс и др.) и сказок (И. Афанасьев, В. Пропп и др.). С XX в. в поле рефлексии попадает феномен философии (М. Хайдеггер, Х. Ортега-и-Гассет, В. Библихин, Р. Вольф, В. Капитон и др.). Понятие

«мировоззрение» возникло в немецкой философии (И. Кант, Ф. Шеллинг, В. Дильтей, Т. Гомперц и др.) и затем оно укоренилось в российской и советской науке, философии (В. И. Вернадский, И. Ильин, Б. Кедров и др.). Среди современных отечественных исследователей феномена мировоззрения можно выделить М. Арутюняна, С. Гусева, С. Лобанова, А. Касьяна, В. Финогентова и др.

Наука. Она является самым поздним типом познания. Ее элементы возникли в античной культуре, а институционализация началась в Западной Европе в XVII в. Ее главная целевая ценность – познание ради знания или получение новых специализированных знаний. Выделяют естествознание, социальные и гуманитарные науки, в свою очередь, они делятся на 1600 дисциплин. Дифференциация дополняется интеграцией в виде широкого применения математических методов, образования междисциплинарных направлений (информатика, синергетика и т.п.). Научное исследование подразделяют на эмпирическое познание и логико-математические науки. В первой группе поиск осуществляется на эмпирическом и теоретическом уровне, здесь теоретические гипотезы проверяют путем предсказания новых фактов.

Рефлексию науки начали античные философы, программу математизации науки выдвинул Платон, логические основания науки и связь эмпирии с теорией анализировал Аристотель. С XVII в. наука становится главным предметом гносеологического рассмотрения: Ф. Бэкон, Р. Декарт, И. Кант, неокантианцы, позитивизм, постпозитивизм, аналитическая философия. Современная философия науки представлена большой группой авторитетных авторов: М. Бунге, У. Куайн, Р. Карнап, Л. Лаудан, В. Лекторский, Е. Мамчур, В. Степин, А. Огурцов, В. Порус, К. Поппер, А. Уайтхед, Я. Хакинг и др. Они относятся к разным философским направлениям и по-разному трактуют гносеологические проблемы науки. Если классическая философия истину как соответствие знаний объекту считала главным идеалом науки, то многие представители современной неоклассики отвергают этот идеал, склоняясь к субъективизму и релятивизму. Дискуссионным остается вопрос об объекте науки: он естественен или конструируется активностью ученого. И все же, при этом признается, что в целом и в сути сущностные признаки науки определены.

Современные теории познания множественны, разноаспектны и им не хватает сквозного и интегрального единства. Уже представленный краткий обзор дает весомые основания для вывода: мировая философская теория познания страдает радикальной незавершенностью. Идеалом любой теории является рациональная связность и когнитивное единство ее частей. Этому ведущему требованию современная гносеология не отвечает. Наибольший объем рефлексивных источников имеют наука и мировоззрение, значительно им уступают познание животных и практическое познание. Однако и тут анализ частных видов и форм превалирует над мыслительным синтезом. Если речь идет о науке, то авторы предпочитают выбор одного вида из трех: естествознание,

социальные и гуманитарные науки. И тут чаще всего доминирует выбор отдельных дисциплин: физики (квантовая теория или что-то другое), биологии (эволюционная концепция, генетика и т.п.), социологии, истории (истории отдельных регионов и стран) и т.п. На этом фоне картина науки вообще выглядит весьма скромно. Такое же положение существует и относительно изучения мировоззренческого поиска. В центре внимания философов находятся его отдельные формы: миф, религия, искусство, философия. Аналогично обстоит дело с остальными типами познания. Конечно, аналитическая стадия с ее обязательной дифференцировкой конкретных частных нужд и необходима. Однако рано или поздно за анализом должен следовать синтез, и такая последовательность присуща не только науке, она обязательна и для философской рефлексии. Хорошо известно, что системное единство любому тематическому разнообразию частей способны придать исходные принципы, имеющие достаточно общий характер, из которых следуют (вытекают) все части. Самым эффективным способом является конституирование универсальных принципов, сквозных для всех четырех типов. Затем можно будет эти принципы специфицировать сначала для двух-трех типов, а затем свести их до особенностей отдельных типов. Все это позволит выстроить единую и интегральную гносеологию, где все типы познания окажутся взаимосвязанными.

Принцип эволюционного единства животных и человека. Главное достоинство эволюционных эпистемологий состоит в осмыслении связи между животным миром и человеком. Единой основой для них выступает жизнь, способом существования которой является эволюция. Французский философ Ж.-М. Шеффер написал книгу с симптоматичным названием «Конец человеческой исключительности». В Средние века христианство постаралось обосновать тезис об уникальности человека, которого Бог сотворил по своему образу и подобию. Наука эволюционной теорией Дарвина развенчала эту догму. Древний человек вышел из животного мира, сохранив природно-биотическую основу, на которой и началось строительство культуры. Последняя стала особым надстроечным развитием эволюционной природы. В человеке сплелись воедино два вида эволюции – природная и культурная. Если природная эволюция объединяет людей с животными, то у них существуют некие познавательные процессы. Шеффер выделяет у человека четыре способа приобретения информации: 1) через гены; 2) индивидуальное обучение (пробы и ошибки); 3) социальное обучение на индивидуальной основе (игра, состязания); 4) культурное обучение (вербальный язык и школьные коммуникации) [3]. Первые три способа являются общими для животных и человека.

Принцип союза бытийственной психики, ментальной психики и интеллекта как структуры агенса жизни и познания. У. Матурана и Ф. Варела ввели термин «познавательный агент» для объединения животных и человека в один класс познающих субъектов. Если учесть наработки теоретической социологии, то

предпочтительнее термин «познавательный агент». Для разработки его модельной схемы нужно найти основные познавательные способности, присущие как животным, так и человеку. Главным барьером на этом пути является сознание, оно есть у человека и отсутствует у животных. Самый перспективный выход здесь состоит в нахождении основной и базисной структуры сознания, осмысление которой позволит определить и познавательную структуру животных. Последняя должна быть максимально простой и в то же время предполагать такое развитие, которое ведет к возникновению сознания. Вселяет оптимизм то обстоятельство, что эволюция реализовала подобное движение от простого к сложному.

В прошлом номере альманаха читатели познакомились с авторской концепцией сознания, где выделены три его главных уровня: бытийственная психика – ментальная психика – интеллект [5]. Нам представляется, что данная идейная схема дает возможность выйти на структуру познавательного агента. У человека бытийственная психика сложна (Я-самость, воля, эмоции, мотивация), но ее можно упростить «под животного». Очевидно, что надо исключить Я-самость и признать у животных некий элементарный центр их внутреннего мира, позволяющий определенному организму отличать себя от других единиц родственной популяции. Что касается воли и эмоций, то в простейшем виде они присущи животным. Место мотивов у них занимают потребности. Аналогичное упрощение нужно провести с ментальной психикой. Редукции подлежит состояние сомнения, состояние же «слепой веры» можно оставить. Также следует сохранить состояние интереса и сенсорные чувственные впечатления (осязание, слух и т.п.).

Применительно к животным чрезмерны понятия «рассудок» и «разум», зато полностью уместны представления об уме и интеллекте, говорящие об одном и том же. Мы отрицательно относимся к информационной трактовке этой способности (Д. Дубровский, Ж. Шеффер и др.), полагая, что научное понятие информации не годится для философской гносеологии. Содержанием интеллекта выступают знания как рациональные образования, существующие на материальной основе нейронных сетей мозга (память и т.п.). Генеральной способностью интеллекта является структурирование знаний по определенной технологии. Здесь одни элементы знания становятся пассивным предметом, другие компоненты берут на себя роль активного орудия (метода). Воздействие последнего на первое трансформирует его в когнитивный результат. Данная технология универсальна и отвечает за все возможные формы производства знаний.

Итак, структура познавательного агента представлена бытийственной психикой («центр жизни», потребности, эмоции, воля в зачаточном виде), ментальной психикой (сенсорные впечатления, интерес, вера) и интеллектом (знания–орудия → знания–предмет = знания–результат). В жизнедеятельности и в познании эти уровни взаимодействуют по-разному. Все три уровня включаются в

обслуживание жизненных потребностей и интересов. Так, многие виды практики (труд, война, спорт и т.п.) требуют мобилизации мотивов, воли, эмоционального потенциала в союзе с ментальной психикой и интеллектом. Такой же синкретизм способностей необходим для ряда духовных практик (религия, искусство). Там же, где проявляется «чистое познание» (наука, формы теоретического мировоззрения), вполне достаточно союза интеллекта и ментальной чувственности. Состояния же бытийственной психики (эмоции, воля) требуют должной нейтрализации.

Принцип единства жизнедеятельности и познания. Жизнь как таковая имеет базисный характер, «древо познания» подчинено ей как обслуживающий фактор. Соответственно, уместно ввести понятие «агенса жизни», аспектом которого является познавательный агент. Если взаимосвязь жизни и познания универсальна, то приоритет жизни над познанием не распространяется лишь на науку. У животных познавательный опыт подчинен приспособительному поведению и выживанию. Если социальная практика доминирует над практическим познанием, то духовный поиск подчинен духовной практике. На этом фоне наука демонстрирует относительную автономность познания от жизнедеятельности, вот почему научное исследование называют «чистым познанием».

Принцип системной активности познающего агенса: **вещество, энергия, движение (тело) – мотивы, воля, эмоции (бытийственная психика) – знаковая репрезентация и вера (ментальная психика) – производство знаний и их мобилизация (интеллект).** Полная структура познающего агенса включает телесность, два слоя чувственной психики (бытийственная, ментальная) и интеллект. Хотя тело выступает самым низким уровнем, его роль очень важна. Как система биотических органов тело вырабатывает нужные вещества и энергию, его процессы в большинстве своем регулируются врожденными генетическими программами, включая поведенческие инстинктивные реакции. Сложные двигательные схемы вырабатываются под контролем психики и ума в формах научения. Мозг как высшее тело обеспечивает психику и ум вещественно-энергетической подпиткой, предоставляя чувствам и знаниям необходимое место (рецепторы, память). В свою очередь, бытийственная психика формирует мотивы деятельности, дает эмоциональное сопровождение для подключения энергии и ее отвода, включает/выключает волевые усилия. Более высокие функции, связанные с познанием, выполняет ментальная психика. Она обеспечивает состояние веры, «якоря», которым закрепляют знания, делая их верованиями – установками познания. Но главное ее дело – знаковая репрезентация, где чувственные впечатления (осознательные, зрительные и т.п.) становятся внутренними представителями внешних объектов. Чувственные знаки не самодостаточны, они требуют рациональных значений, их и дает интеллект. Его орудийная активность раздваивается на ценностную и инструментальную форму. В них по-разному реализуется триадная технология (метод → предмет = результат).

Итак, внешняя детерминация агенса весьма ограничена (внешние стимулы – физиологические раздражимости – чувственные впечатления), все остальные процессы познания протекают во внутреннем мире агенса. Здесь разворачивается ментальная активность: сенсоры формируют чувственные знаки, вера выделяет и закрепляет верования. Но определяющая активность принадлежит интеллекту, именно его орудия – методы придают значения впечатлениям, и затем уровни активности ума возвышаются, выстраивая уровни мышления в сугубо внутреннем мире без воздействий извне.

Принцип языка как знаковой репрезентации. Сложилось традиционное представление о языке как сугубо человеческом достоянии. Если брать вербальный язык (речь, письмо), то его связь с человеком несомненна. Однако в последнее время ряд ученых и философов ставит вопрос шире: если животные познают и общаются друг с другом, то следует у них признать наличие особого языка. Семиотика указывает на широкую и универсальную для жизни единицу языка – чувственный знак. Согласно нашей концепции, у агенса жизни и познания он формируется на «стыке» ментальной психики и ума. Сначала формируется множество чувственных впечатлений, некоторые из них интеллект выбирает как значимые, они становятся знаками, несущими определенные значения. Любой знак замещает внешний объект и представляет его во внутреннем мире агенса. Эта универсальная схема языка специфицируется. У животных знаки разделяются на иконы и индексы (Ч. Пирс). Если иконические образы указывают на актуальные стимулы (безусловные рефлексy), то знаки–индексы указывают на потенциальные стимулы, появление которых произойдет в будущем (условные рефлексy). У человека иконы и индексы также имеют место в практическом познании, но главенствует здесь словесный язык. В науке вырабатываются системы искусственных знаков (формализация и т.п.) для однозначного выражения знаний. Что же касается мировоззрения, то его основной языковой единицей выступает символ. Его неоднозначность оптимально сопрягается с духовными ценностями, не требующими соответствия с реальностью.

Принцип познания (научения) в виде опыта. Как таковой опыт есть феномен, в котором реальность непосредственно воздействует на агенса. В русле этого влияния возникают сенсорные впечатления. Некоторые из них становятся предметом интеллектуальной технологии, которому метод («знания–как») придает определенное рациональное значение. Результатами выступают ощущения и восприятия как основные единицы опытного познания. Возникая в ходе прижизненного научения, опыт делает инстинктивные программы гибкими и конкретными. Если заяц видит на фоне снега и деревьев некий серый контур, то он быстро идентифицирует его как знак волка, т.е. хищника, угрожающего ему гибелью. Инстинкт, обогащенный опытом, толкает его к бегству.

Повторяющиеся ощущения и восприятия обобщаются в представления, несущие типичные образы или «когнитивные карты» (Э. Толмен). Все животные, занимающие свои экологические ниши, вырабатывают карты своих территорий. Такие представления позволяют им эффективно вести жизнедеятельность.

Опыт присущ также и человеку, воплощая в себя особенности культуры. Он формируется на всех возрастных этапах индивидуального развития. У младенцев и детей опыт играет определяющую роль, но и у взрослых людей опыт является необходимой школой жизни в быту, труде и во всех других видах деятельности (практический, духовный и научный опыт). Но если у животных познание сводится к опыту, то у человека он развивается и совершенствуется культурой мышления. Выражение «учиться на ошибках» означает, что в новых ситуациях опыт не дал успеха и выводы из этого способно получить только мышление.

Принцип мышления как познавательного творчества. В литературе часто встречается формула «мышление есть интеллект в действии». Она весьма рельефно выражает расширительную трактовку мышления, где опыт сводится к разновидности мысли. Мы убеждены в том, что опыт и мышление суть два основных вида познавательной деятельности. Стало быть, нужно определить качественные границы мышления, отличающие его от опыта. Сделать это позволяет триадная схема работы интеллекта. В опыте она действует однократно (отсюда симультанность опыта): извне приходят чувственные впечатления, они становятся предметом, который обрабатывается методом, в итоге чего возникает ощущение / восприятие / представление. Поскольку опыт действует в привычных и знакомых условиях, связь предмета и метода стереотипна и осуществляется почти автоматически (бездумно). Неделимый компонент опыта – это всегда один единый акт.

Но вот опыт дал сбой, что в действиях повлекло неудачу. Тут на смену опыту приходит мышление, где работа интеллекта растягивается на три акта «думанья»: 1) формирование предмета–проблемы; 2) мобилизация метода; 3) применение метода к проблеме, трансформирующее ее в искомый результат. Если речь идет о трудовой практике, то работники должны оценить новые условия под углом некоторых норм и оценить новизну как отклонение от стандарта. В итоге возникнет профессиональная задача. Для ее решения требуется должный метод, и поиск его элементов отнюдь не тривиален, ибо на знаниях отсутствуют инструментальные этикетки. Когда метод–программа сложился, его применение к проблеме имеет свои сложности. Наивысшей сложностью обладает научное мышление. Постановка научной проблемы определяется набором разнообразных норм–идеалов

(что считать нормальным результатом науки), актуализация которых весьма непроста. Еще большей сложностью обладает акт становления метода, где действуют такие способности интеллекта как интуиция и воображение. Когда результат получен, требуется его оценить на предмет соответствия проблеме, и через это осуществляется оценка на истинность. Итак, познавательная культура человека строится на взаимосвязи разных форм опыта и разных форм мышления (практического, духовного, научного) [4].

Принцип познавательного отражения как следствия интеллектуальной активности. В последние 20 лет в российской философской литературе усилилась критика гносеологической идеи отражения. Некоторые авторы предлагают отказаться от понятия отражения как несоответствующего сути познания, особенно науки. Такое отрицание нам представляется чрезмерным и неоправданным. Социальный контекст здесь понятен, налицо реакция на советскую версию теории отражения, где многое определялось идеологическими соображениями («ленинская теория отражения»). Кроме учета идеологических аспектов, следует различать два исторических вида идеи отражения: а) явная метафора пассивного отражения; б) неявные формы идеи отражения, связанного с активностью субъекта. К первому виду относятся аристотелевский образ восковой дощечки, на которой предметы оставляют свои отпечатки, локковская «чистая доска» и бэконовское сравнение сознания с отражающим зеркалом. Всему этому ряду присущ наивный физикализм, изолирующий отражение от познавательной активности, и данная позиция достойна лишь критического отрицания. Но вот второй вид заслуживает должной оценки и анализа.

В истории философии реализовалась целая группа концепций познания, выражающих суть отражения, но авторы которых не использовали термин «отражение». Поэтому их следует считать неявными. В чем же состоит основной смысл концепта «познавательное отражение»? Он сводится к выводу из двух предпосылочных принципов: 1) существует объективная реальность, сущность которой может быть разной (Бог, объективное сознание, материя); 2) объективная реальность познаваема человеком и его сознанием. Первый (онтологический) принцип разделяют три направления философского реализма: религиозная философия, объективный идеализм и материализм. Гносеологический принцип постулирует существование человека с сознанием как субъекта познания, способного познать внешнюю реальность. Такой познавательный оптимизм предполагает особую связь человека с объективным миром, которая и есть познавательное отражение. Однако эта мысль может маскироваться разными терминами. И

действительно, религиозные философы признают познание как связь человека с Богом и тварным миром. Августинское учение об «иллюминации» неявно или скрытно утверждает идею отражения. Платоновская концепция познания как «припоминания» строится на связи разумной души человека с эйдосами и другими объективными реалиями. Оба принципа здесь признаются, и теорию рационального припоминания вполне оправдано считать неявной формой идеи отражения. Радикальное отрицание этого принципа исходит от субъективного идеализма. Д. Юм, Э. Мах и другие субъективисты отвергли оба принципа и вместо связи человека с реальностью постулировали познание как процесс, ограниченный внутренним миром сознания. Интересным отклонением от данной схемы является гносеология И. Канта. Онтологический принцип в виде существования вещи самой по себе у него есть, но вместо гносеологического оптимизма наличествует агностицизм. Мыслитель признал поток чувственных впечатлений извне, но из принципа априорной активности чувственности и рассудка сделал вывод о невозможности познавательной связи человека с объективной реальностью. Здесь налицо четкое отрицание идеи отражения. Стало быть, признавать или отвергать принцип отражения – это дело свободного выбора «философской веры» (К. Ясперс) или свободы гносеологического постулирования.

Как известно, явная и открытая форма принципа отражения возникла в материалистических учениях. Здесь признавались оба принципа, но трактовка отражения страдала наивным представлением о процессе, идущем исключительно от материи в тело человека и затем в его сознание. «Идеальное есть материальное, пересаженное в человеческую голову и преобразованное в ней» (К. Маркс). К. Поппер оценил это как «бадейную теорию отражения», иронически указывая на несовместимость сравнения познания с актом зачерпывания бадьей воды из колодца. Реальная направленность познания прямо противоположная: от агенса к реальности, подобно лучу прожектора, которым человек (и животное) освещает определенную территорию (объект выделяется как часть реальности). Поппер прав в том, что сознание познает не как бадья, а как прожектор. Вместе с тем мы полагаем, что элемент «бадейности» в познании существует, но это можно понять тогда, когда принцип отражения совмещен с принципом активности. Тогда и мысль Маркса из первого тома «Капитала» следует интерпретировать не только одной метафорой. «Пересадка» материального в сознание действительно имеет место в виде потока, идущего извне вовнутрь агенса: объективные стимулы – физиологическая раздражимость – чувственные впечатления. Такой информационный поток подобен зачерпыванию бадьей воды, ибо

нечто внешнее через цепь преобразований «пересаживается» в сознание, становится элементом ментальной психики. Но дальше вектор направленности познания меняется на противоположный, в дело вступает интеллект и некоторое знание в роли метода накладывается на чувственное впечатление, придавая ему рациональное значение. Сначала бадья, потом прожектор. И все же, такая последовательность маскирует подлинное соотношение отражения и активности. Трансформации «физическое – физиологическое – чувственное» порождены телесными органами, их активность обеспечивает «пересадку» объекта в сознание. Да и бадья зачерпывает воду посредством усилий человека (животного или машины). Стало быть, в опыте чувственные знаки производятся телесной активностью, а их формирование как некоторых продуктов следует считать отражением.

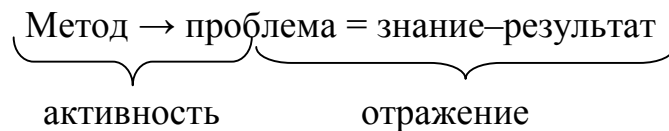
После того, как влияние объекта дошло до ментальной психики, отражение становится процессом, сугубо внутренним для сознания. Это уже демонстрирует опыт. Если действие метода на чувственный знак является формой познавательной активности, то объединение впечатления со значением и превращение его в итоговую единицу опыта будет эмпирическим отражением. Активность есть причина, отражение – следствие.

$$\underbrace{\text{Метод} \rightarrow \text{чув. впеч.}}_{\text{активность}} = \underbrace{\text{ощущение/восприятие}}_{\text{отражение}}$$

Более сложной является связь активности и отражения в цикле мышления. Любое мышление (практическое, духовное, научное) начинается с постановки проблемы. Методом здесь выступают нормы–идеалы типичных результатов. Их действие на некоторые знания в роли предмета составляет познавательную активность, превращение же предметного материала в проблему (знание, в котором есть отклонение от нормы) можно трактовать отражением. Проблема становится заместителем объекта в сознании.

$$\underbrace{\text{Нормы–идеалы} \rightarrow \text{знания–предмет}}_{\text{активность}} = \underbrace{\text{проблема}}_{\text{отражение}}$$

Когда реализуется инструментальный этап, то активность сводится к формированию метода и его применению к проблеме. Отражение же предстает в виде процесса превращения проблемного знания в нормативный результат.

Итак, представленные принципы способны стать основой создания всеобщей теории познания.

Использованная литература

1. Варела, Ф. Древо познания / Ф. Варела, У. Матурана. – М., 2006.
2. Поппер, К.Р. Эволюционная эпистемология // Эволюционная эпистемология и логика социальных наук : Карл Поппер и его враги. – М., 2000. – С. 57–74.
3. Шеффер, Ж.-М. Конец человеческой исключительности / Ж.-М. Шеффер. – М., 2010. – С. 11–96.
4. Юлов, В.Ф. Мышление в контексте сознания / В.Ф. Юлов – М., 2005. – С. 297-492.
5. Юлов, В.Ф. Философский проект «всеобщая теория познания» / В.Ф. Юлов // Філософія. Культура. Життя : Міжвузівський збірник наукових праць. – Вип. 37. – Дніпропетровськ, 2012. – С. 136-145.

Статья поступила в редакцию 30.10.2012 г.